

товарища детства душа моя об руку с твоей любит пробежать по оврагам, заросшим кустарником и ухающим земляникой и клубникой, по крутым тропинкам, с которых спускали нас деревенские лошадки, — но один я никогда не уношусь в это детство: оно представляет мне совсем другие образы — интриги челяди, тупость учителей, суровость отца, беззащитность матери и тренирование в страхе изо дня в день. Бог с ней, с этой, как выражается капитан Крюднер, паршивой молодостью»¹.

В четырнадцать лет этот мир остался за спиной. Достаточно неожиданно Фета везут в маленький лифляндский городок Верро и помещают в частный педагогический пансион Крюммера. Причиной была, видимо, не только необходимость дать отроку образование, но и следствие, которое по чьему-то доносу начала Орловская духовная консистория. В результате расследования было установлено, что «означенного Афанасия сыном господина ротмистра Шеншина признать невозможно», ребенок остался вовсе без фамилии, и только после хлопот и представления матерью каких-то документов Орловское губернское правление выдает свидетельство, что «упомянутый Афанасий имеет происхождение от родителей его амт-асессора Иоганна-Петра-Карла-Вильгельма Фёт и его бывшей жены Шарлотты Фёт»².

«Однажды отец без дальнейших объяснений написал мне, что отныне я должен носить фамилию Фёт». Вскоре о неожиданной смене фамилии узнали товарищи, возникли вопросы: «Что это такое? У тебя двойная фамилия? Отчего же нет другой? Откуда ты? Что ты за человек? и т. д., и т. д.». «Все подобные возгласы и необъяснимые вопросы, — заключает Фет, — еще сильнее утверждали во мне решимость хранить на этот счет молчание, не требуя ни от кого из домашних объяснений»³.

Так возникла завязка романа его жизни. «Только озирая обе половины моей жизни, можно убедиться, что в первой судьба с каждым шагом лишала меня последовательно всего, что казалось мо-

им неотъемлемым достоянием»¹. (Казалось, но было ли? Вопрос об истине Фет не ставил, истину он, кажется, узнал достаточно скоро.)

Что лучше: желать и не получать или иметь и потерять?
— Первое².

Он имел и потерял. Потерял, как он считал, чудовищно, несправедливо. Почти сорок лет уйдет на официальное обретение потерянного социального статуса, на обратный путь от Фёта к Шеншину. На этом пути придется пережить много страданий и испытаний. Роман его жизни строился как роман карьеры: на самоограничении, жестком расчете, тактических жертвах в неуклонном пути наверх, к положению русского дворянина, помещика, хозяина. «Кто же я? Несмотря на исключительно интуитивный характер моих поэтических приемов, школа жизни, державшая меня все время в вежовых рукавицах, развила во мне до крайности рефлексию. В жизни я не позволяю себе ступить шагу необдуманно...» — признается он в феврале 1880 года С. А. Толстой, вдове поэта А. Толстого³.

Тем не менее, несмотря на пережитое здесь потрясение, три года, проведенные в пансионе, Фет вспоминал с благодарностью. Именно здесь он хорошо выучил латынь. Получил от товарищей прозвище Медведь-плясун, «что при случае употреблялось в смысле упрека, а иногда и ласкательно». Наконец, впервые почувствовал «стихотворные потуги»: «В тихие минуты полной беззаботности я как будто чувствовал подводное вращение цветочных спиралей, стремящихся вынести цветок на поверхность; но в конце оказывалось, что стремились наружу одни спирали стеблей, на которых никаких цветов не было. Я чертил на своей аспидной доске какие-то стихи и снова стирал их, находя бессодержательными»⁴. В начале 1838 года приехал А. Н. Шеншин и увез мальчика в Москву.

¹ Фет А. Мои воспоминания. М., 1890. Ч. 1. С. 6.

² Здесь и в дальнейшем с отступом цитируются ответы Фета на анкету в «Альбоме признаний», принадлежавшем Т. Л. Толстой. См.: Фет А. А. Соч. Т. 2. С. 435—437.

³ Там же. С. 430.

⁴ Фет А. Ранние годы моей жизни. С. 115.

¹ Фет А. А. Соч. в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 198.

² Блок Г. П. Летопись жизни А. А. Фета. С. 139—140.

³ Фет А. Ранние годы моей жизни. С. 95—96.